

АЛЕКСЕЙ
БЕНЕДИКТОВ

ГНИЛОЕ ЛЕТО

Роман «Гнилое лето» — остросюжетный детектив, основное действие которого разворачивается в наши дни в России. Главные герои, старший оперуполномоченный Степанов и его молодой помощник Сергей Смирнов, ведут розыск особо опасного серийного убийцы. Убийцу с необычным почерком совершения преступлений и необычным мотивом этих преступлений. Похитители антиквариата; криминальное трио, возглавляемое крутым рецидивистом; бывший цирковой акробат; директор крупной фирмы и чекист на пенсии невольны, а иногда и умышленно усложняют розыск серийного убийцы. В какой-то момент действие романа перемещается в современную Германию. А началось всё гораздо раньше — в 1989 году в Анголе, а может быть, даже ещё раньше...

Алексей Бенедиктов

ГНИЛОЕ ЛЕТО

Любое совпадение персонажей или событий с реальными лицами или происшествиями может быть только случайным.

Автор

1978 год. СССР. Свердловская область.

Кушвинский район

Хлесткий удар отчима отбросил Антона на землю, в грязь, в угол деревянного полуразвалившегося сарая. Из разбитой губы ребенка потекла кровь.

Боль — ее Антон практически не чувствовал, только появился солоноватый привкус во рту. И еще была обида. Может, именно она и гасила сейчас чувство боли, да и страха тоже.

— Вставай... — пьяный мужчина, покачиваясь, приближался к ребенку. — Я тебя сейчас научу не бояться... Вставай, сучонок...

Антон закрыл руками лицо.

1989 год. Ангола

Опустилась ночь, и почти сразу повеяло прохладой. Палатка СВС — советских военных специалистов, находилась метрах в тридцати от ближайшей деревенской хижины.

Восемь военнoслужаших собрались на вечернее построение.

Командир подразделения говорил голосом уставшего человека, да и выглядел он после недавно перенесенной геморрагической лихорадки далеко не лучшим образом:

— Получен приказ: завтра на рассвете вертолетом нас перебросят в Мозамбик. И завтра же авиарейсом из Мапуту мы возвращаемся в Союз. Сейчас собрать вещи и снаряжение, чтоб утром оставалось только загрузить все на борт.

— Дембель... — прошептал сержант Карпов и после короткой паузы добавил. — Почти дембель.

Приготовления к отлету были завершены в течение часа, и все, за исключением сержанта улеглись спать. Последнее дежурство выпало на него. Что ж, он не против: напоследок можно и отдежурить.

Нарушая световую маскировку, Карпов, стоя, не спеша выкурил сигарету. Плевать на маскировку и на все остальное. Сегодня он даже не пристегнул рожок к автомату.

Треск насекомых. Легкий ветерок. Самое распрекрасное время суток в этом регионе: днем жара, а ночью будет очень прохладно.

Боковым зрением сержант заметил, как в лунном свете от одной из хижин отделилась фигура

человека. Это была женщина. Она прошла к реке и остановилась на небольшой песчаной отмели у самой кромки воды.

Подождав пару минут, почти бесшумно, Карпов приблизился к негритянке. Услышав шаги, она резко повернула голову. Ее и сержанта разделяло не больше двух метров.

Негритянке было лет двадцать. Карпов улыбнулся. Эту девушку он видел впервые. Наверное, еще днем или вечером, она пришла в деревню к кому-нибудь в гости. Впрочем, это тоже не имело теперь никакого значения.

Негритянка смотрела на мужчину напряженным взглядом и вдруг бегом попыталась проскользнуть мимо Карпова обратно к хижинам, но сержант крепко схватил ее за руку, ударом ноги подсек и опрокинул на землю.

Оказавшись сверху, он сразу же закрыл ей ладонью рот, а другой рукой сильно сжал шею:

— Тише... У меня завтра дембель и это мы сейчас обязательно отметим...

Обдирая кожу о колючие ветки и высохшую траву, сержант Карпов оттащил труп изнасилованной и задушенной им женщины в высокий кустарник.

На следующий день

Самолет компании «Аэрофлот» выполняющий рейс по маршруту Мапуту-Москва набрал высоту, и стюардессы начали развозить прохладительные напитки.

Среди других пассажиров в салоне особенно ничем не выделялись восемь человек, облаченных уже в гражданскую одежду, сидящих в одном ряду.

Черный континент навсегда покидали восемь военнослужащих Советской Армии. Советский Союз сокращал зоны своего присутствия и влияния далеко за пределами собственных границ. Перемены, как в СССР так и за его пределами, начались вскоре после прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева. Об этом знали и наши военные, почти отрезанные от всего мира.

— За Меченного! Не он, гнить бы нам на просторах Африки, — старший в группе, имевший звание майора, поднял полный бокал, жестом и взглядом приглашая подчиненных присоединиться к нему. — За Меченного!..

— За дембель, — совсем тихо прошептал сержант Карпов.

* * *

Труп был обнаружен деревенскими мальчишками почти в полдень, когда они,

вооружившись луками и стрелами, полезли в кустарник выяснить, почему туда слетелось так много птиц.

Двумя часами позже вся небольшая деревня была в сборе. Родственники убитой стояли молча, только очень пожилая негритянка что-то тихо бормотала и покачивалась из стороны в сторону. Все ожидали у хижины, в которой находились местный знахарь — он же колдун или шаман, и труп женщины.

Закончив осмотр тела, знахарь медленно поднялся, и недобрая улыбка коснулась его губ.

Одиннадцать лет спустя

Глава 1

14 июня 2000 года. Екатеринбург

Окровавленный труп молодой женщины лежал в гостиной на полу рядом с раздвинутым диваном.

Следственно-оперативная бригада заканчивала свою работу.

— Изнасилована и убита... — произнес следователь прокуратуры, снимая с себя старомодные очки в массивной роговой оправе.

— Убита — это мягко сказано, — оперуполномоченный посмотрел на

судебно-медицинского эксперта. — Восемнадцать ударов ножом.

— Восемнадцать ударов колюще-режущим предметом, — вяло уточнил медик.

— В этом году ничего похожего не было, — заметил следователь.

— Никаких следов взлома. Деньги и ценные вещи не взяты, — вступил в разговор участковый — совсем молодой мужчина в милицейской форме с погонами лейтенанта. — Наверное, убийца кто-то из своих, кого она знала раньше. Сама ему дверь и открыла.

— Наверное, лейтенант, наверное... — устало пробормотал опер. — Кто-то из своих.

* * *

18 июня

Старший оперуполномоченный городского отдела УВД Дмитрий Владимирович Степанов был мужчиной среднего возраста, среднего роста, со скуповатой растительностью на голове и слегка выпирающим животиком. Используя профессиональную терминологию, можно было сказать, что имел он *средне привычные* черты лица. В поведении сыщика на единственную особенность, пожалуй, могло претендовать только количество сигарет, которые он выкуривал. Дымил

Степанов до еды, после еды и, из-за характера работы, нередко вместо и даже во время приема пищи.

Без трех минут десять Дмитрий Владимирович вошел в приемную своего шефа. Крупная блондинка Дора Павловна — ходячая энциклопедия всех сплетен и слухов, печатала на компьютере. Она холодно поздоровалась со Степановым — ну не в ее вкусе был этот мужчина, и пригласила его в кабинет начальника:

— Рем Гурьевич уже ждет.

— Здравия желаю, — с порога, но не слишком бойко произнес оперуполномоченный.

— Привет, Дмитрий Владимирович. Проходи, садись, — шеф располагался в кресле за столом. Обрюзгший, совершенно лысый, с мешками под воспаленными глазами и тонкими усиками обольстителя из оперетты Рем Гурьевич весьма отдаленно походил на работника правоохранительных органов. Впрочем, коллеги хорошо знали, что за этой внешностью скрывается далеко не последний аналитик, к тому же способный мыслить не совсем стандартными категориями.

Степанов опустил на стул возле окна.

— Чертова погода, — Рем Гурьевич достал из кармана носовой платок. — Жара, а у меня насморк. И где угораздило простыть?

— Может это не простуда? — осторожно предположил Степанов.

— Ты на что намекаешь?

— Например, аллергия.

— Аллергия? — брови шефа удивленно взлетели вверх.

— Рем Гурьевич, сейчас об этом очень много пишут. Аллергия бывает на цветочную пыльцу, на шоколадные конфеты...

— Еще на пух страуса, — добавил шеф и махнул рукой. — Скажешь тоже...

— Врачи рекомендуют оздоровительный бег.

— От инфаркта к миокарду? Ерунда, убежишь от инфаркта догонит инсульт, а уж если действительно оторвёшься в беге и от инфаркта и от инсульта, потом придется медленно умирать от рака. И что лучше?

— Рем Гурьевич, у вас мрачноватый взгляд на занятия физкультурой.

— Я же его не пропагандирую, я только в узком кругу делюсь своими соображениями... Ладно, лирическое отступление закончилось. Кури. Знаю, что без этого жить не можешь

— Спасибо, — Степанов достал пачку сигарет.

— Кстати, три дня назад я от своего двоюродного брата из Севастополя письмо

получил, где он в первых строках сообщает мне, что бросил курить.

— Молодец, — Степанов подчеркнуто глубоко затянулся сигаретой. — Привычка пагубная, от лукавого.

— Я вот и думаю, какой смысл писать мне об этом, если к тому моменту, когда я прочту письмо, он, наверняка, снова закурил?

— Ну, Рем Гурьевич, бросание курить это ведь почти, как олимпийские игры. Важна не столько победа, главное сама попытка победить.

— Про олимпийские игры это ты образно... Сам придумал или прочитал где?

— Сам, — просто ответил Степанов, отметив, что сегодня шеф слишком уж разговорчив. Обычно это ничего хорошего не обещало.

— Не хочешь спросить, зачем я тебя вызвал?

— Нет, — честно признался старший оперуполномоченный.

— Хорошо ответил. Ценю я тебя Степанов за четкость в ответах. Кто отвечает четко, по-армейски, тот значит, и четко мыслит.

«Кто отвечает четко, по-армейски, тот четко и мыслит... — про себя повторил Степанов, подумав при этом — это ж надо такую глупость сказать... Может, шеф действительно заболел... Какой-то он сегодня эйфоричный...»

— Вызвал я тебя потому, что четверо суток назад в Октябрьском районе произошло убийство молодой женщины. Восемнадцать ударов ножом. Изнасилована и убита у себя дома. Ни «пальцев», ни свидетелей нет. По сперме установили группу крови убийцы, но для раскрытия преступления этого маловато, — шеф снова достал носовой платок. — На сегодняшний день никаких зацепок.

— Всего четверо суток прошло. Ребята еще не успели развернуться. Бывает за четверо суток не возможно отработать даже весь круг знакомых жертвы.

— Ты, Степанов, мне только не читай лекцию по оперативно-розыскной деятельности. Что и за какой промежуток времени можно отработать я не хуже тебя знаю.

— Виноват, Рем Гурьевич, погорячился...

— Не до шуток...

Теперь удивленно вскинул брови старший оперуполномоченный. Почему шеф в таком *напряге*? Нет пока зацепок — плохо, лучше, конечно, по горячим следам работать, но четверо суток еще и не четыре года с момента совершения преступления.

— Ты ведь у нас специалист по серийным маньякам? — после короткой паузы продолжил Рем Гурьевич.

— В каком смысле?

— В прошлом году — раскрыл и обезвредил.
Забыл?

— Это когда мне выговор впаляли?

— Выговор, Степанов, дело приходящее и уходящее.

— Если подходить с позиций Вселенной, Вечности...

— Не до шуток, — повторил Рем Гурьевич.

— Может, я чего-то не понял, но причем в данном случае серийный маньяк? Разве это не одиночное убийство?

— Одиночное, — кивнул шеф, — очень надеюсь, что других аналогичных в городе пока не произошло.

И тут случилось нечто из ряда вон выходящее: шеф чуть приподнялся в кресле и доверительно наклонился к оперуполномоченному. Таким своего начальника Степанов еще не видел.

— Я тебе, Степанов, так скажу: я не первый год в органах. Так вот, я спинным мозгом чувствую — не простое это убийство.

— Интуиция, Рем Гурьевич, в нашем деле вещь не последняя, — пробормотал Степанов, в очередной раз за эту встречу подумав: «Похоже, шеф действительно заболел... Мнительный какой-то... Устал, похоже, старик... На воды ему надо съездить... На воды...» — Рем Гурьевич, я вообще-то летом планировал отпуск взять.

— Вот возьмешь этого ублюдка и бери отпуск.

— Все понял.

— Отлично. Подбери себе помощника и вперед. В Октябрьский райотдел я позвоню прямо сейчас. Жмет нас время. Иди, Степанов, и помни мои слова: я спинным мозгом чувствую — не простое это дело.

«Накрылся отпуск... Да и лето, похоже, тоже накрылось...» — грустно подумал старший оперуполномоченный Дмитрий Владимирович Степанов. — «Гнилое будет лето...»

Июнь 2000 года выдался в Екатеринбурге до одурения жаркий. Все живое, за исключением водоплавающих, просто изнывало от зноя. Ртутный столбик перевалил за отметку +30°C и не собирался опускаться ниже достигнутого. Асфальт в городе раскалился так, что даже через подошвы чувствовалось его тепло.

Старший оперуполномоченный Степанов и молодой оперуполномоченный Сергей Смирнов вошли в здание судебно-медицинского морга и почти одновременно облегченно вздохнули. В холле было на удивление прохладно.

Сыщики поднялись по лестнице на второй этаж и уже в коридоре встретили судебно-медицинского эксперта Михаила

Сергеевича Ромашова. Михаил Сергеевич закончил очередное вскрытие и возвращался в кабинет. Со Степановым он был знаком достаточно давно, виделись они по делам нередко, и отношения складывались почти дружеские.

Все трое прошли в кабинет эксперта. Михаил Сергеевич предложил гостям сесть, а сам подошел к раковине и начал тщательно мыть руки.

Он всегда делал это дважды после аутопсии¹: вначале в секционной, потом у себя в кабинете.

Степанов об этом знал.

— Ты, Михаил Сергеевич, совсем позабыл старую тибетскую поговорку: не мой свое тело, это принесёт несчастье, — старший оперуполномоченный достал пачку сигарет и пододвинул к себе стеклянную пепельницу.

— А у тебя, Дмитрий Владимирович, с годами юмор ничуть не стареет. Я бы даже сказал, что с каждым годом твой юмор становится все моложе и моложе, — ответил эксперт.

— Спорить не буду. Со стороны виднее, — Степанов прикурил сигарету.

— В отпуск не собираешься?

---

¹ Аутопсия — вскрытие трупа для установления причины смерти

— Не напоминай, не надо. В кои веки хотел летом сходить в отпуск и, похоже, ни отпуска, ни лета мне не увидеть.

Эксперт вытер руки полотенцем, поставил на стол три высоких бокала и достал из холодильника пластмассовую бутылку с минеральной водой «Обуховская».

— Прошу, господа... — Ромашов налил гостям и себе. — Более крепкие напитки в такую жару не предлагаю.

Степанов и Смирнов поблагодарили хозяина кабинета и с удовольствием осушили бокалы.

— Мы ведь к тебе не просто так заехали... — начал Степанов.

— Неужели? А я уже обрадовался, думал, пропустим сейчас по стаканчику, поболтаем за жизнь.

— Нас интересуют результаты вскрытия Суриковой Алевтины. Изнасилована и убита четверо суток назад.

— Все указано в протоколе вскрытия...

— Михаил Сергеевич, мне это дело поручили сегодня утром.

— Понятно. Значит так, до убийства женщина никаких серьезных заболеваний внутренних органов не имела. Преступник нанес жертве восемнадцать колото резаных ран. Большинство из них имеют прижизненный характер.

— Прижизненный характер? Он ее пытал? — спросил Степанов.

— Убийца — стопроцентный садист. Тут никаких сомнений.

— Ножом?

— Да. Длину и ширину клинка на память не скажу, но не охотничий, поменьше. Индивидуальных признаков клинка выявить не удалось.

— Женщина сопротивлялась?

— Не успела или не смогла. Под ногтями чисто. На кистях порезов нет. Но есть ссадины и подкожные гематомы в области лучезапястных суставов, по-видимому, от наручников.

— Ты насчет наручников уверен? При осмотре места преступления ни на жертве, ни в квартире их не обнаружили, — Степанов с интересом посмотрел на эксперта.

— Категорически утверждать не буду. Может быть, убийца связал у женщины руки проволокой, но больше похоже на следы от «браслетов».

— И как ты объяснишь появление таких ссадин и кровоизлияний от обычных наручников?

— Если предположить, что руки у жертвы были скованы за спиной, а ублюдок ее насиловал и резал ножом...

— Допустим, — хмуро кивнул Степанов.

— Рот у женщины заклеен широким скотчем.

— Это мы знаем. Что еще?

— По анализу спермы у преступника вторая группа крови А (II). По статистике лиц с такой группой 37 процентов.

— Круг подозреваемых сузился — Степанов грустно улыбнулся. — Можно даже сказать, значительно сузился.

— В крови у жертвы — нормальный уровень алкоголя. Женщина была совершенно трезвой.

— Может, ты, Михаил Сергеевич, что-нибудь более существенное подкинешь?

— Есть кое-что.

— Не томи, ты не похож на Шехерезаду.

— В протоколе у меня это отмечено, а на словах я бы посоветовал вам зафиксировать внимание на ударе ножом, который убийца нанес жертве в сердце. Кстати, это был его последний удар или один из последних. Необычный удар.

— Чем необычный?

— Одно входное отверстие на груди, а раны в сердце — две.

— При одном входном отверстии две раны на глубине?

— Ты правильно понял.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, Дмитрий Владимирович, что преступник воткнул нож в сердце один раз, потом подтянул клинок назад, но совсем не вынул,

а затем снова вонзил его в сердце, только уже под другим углом.

— Зачем? — спросил Степанов.

— По-видимому, чтобы наверняка... — просто ответил судебно-медицинский эксперт.

— Объяснение слабоватое.

— Почему?

— Убийца мог полностью вынуть нож и снова сверху ударить.

— Мог, — согласился Михаил Сергеевич Ромашов.

— Но не сделал этого.

— Может, спешил, может по другой причине.

Вы сыщики — вам и отвечать.

— Вариант спешил, не годится. На восемнадцать ударов у него было время, а на девятнадцатый — нет? Тут другое.

— Удар профессионала? — предположил эксперт.

— Только какого профессионала? Что-то я о таком ударе раньше не слышал. А ты, Сергей? — Степанов обратился к своему молодому коллеге.

— Я тоже не слышал, — ответил Сергей Смирнов.

— Надо будет о таком ударе разузнать. Это уже покруче, чем вторая группа крови, это уже *почерк* убийцы, — Степанов затушил сигарету в

пепельнице. — Больше ничего заслуживающего внимания нет?

— Больше ничего.

— Тогда, пойдём мы. Спасибо тебе, Михаил Сергеевич... за воду.

— Заходите ещё.

— Мрачновато у тебя здесь, — заметил старший оперуполномоченный, вставая.

— Так в такой стране и в такое время живём, — ответил судебно-медицинский эксперт.

* * *

Знакомство с материалами дела, выезд на место преступления и длительное изучение базы данных по похожим сексуальным преступлениям заняли у сыщиков весь день.

Около семи часов вечера Степанов и Смирнов покинули городское управление внутренних дел на древних «жигулях» — «копейке» Сергея Смирнова, которые молодой опер купил за чисто символическую цену. Машина раскалилась, как печь, и, к тому же подозрительно поскрипывала и дребезжала. В салоне воняло всеми существующими горюче-смазочными материалами.

— Да, Сергей, автомобиль не роскошь, — Степанов не без усилий открыл окно.

— По крайней мере, меня никто в коррупции не упрекнет. В связи с мафией.

— Это точно.

— Дмитрий Владимирович, может, заедем ко мне домой? На свадьбе вы у нас не были, а я давно хочу познакомить вас с супругой.

Степанов с удивлением посмотрел на молодого коллегу:

— Начало недели, вечер трудного дня — не лучшее время для знакомства и посиделок. Почему вдруг возникла эта идея? Отвечать сразу и в глаза смотреть, в глаза...

— Честное слово, это так — экспромтом.

— Сергей, у меня, между прочим, есть семья: жена, дочь. Они, между прочим, меня и так редко видят. Ты хочешь окончательно разрушить ячейку общества?

— Дмитрий Владимирович, вы же утром сами сказали, что ваши сегодня на даче и приедут только завтра.

— Точно запомнил, — Степанов расстегнул вторую пуговицу на рубашке. — Поехали знакомиться. Сейчас ты назовешь любимые цветы своей жены. Я куплю ей соответствующий букет, коробку конфет, бутылочку легкого вина...

— Это будет красиво.

— Кстати, кончаются сигареты, и я почти умираю с голоду и от жажды.

Жена Сергея Смирнова где-то задерживалась, и мужчины сами накрыли стол и расположились на кухне. Сергей достал из холодильника бутылку «Смирновской» и пару тоже охлажденных пузатых стопок.

— В такую погоду пить водку... — Степанов сокрушенно покачал головой. — Молодец, что не только бутылку, но и посуду остудил.

— Стараюсь... — ответил хозяин квартиры, разливая горькую.

— Грибочки самопал? — старший опер подцепил на вилку пару маринованных маслят.

— Обижаете, Дмитрий Владимирович. Осенью с женой все своими руками заготавливали.

— Ну что ж, поддержку отечественного производителя... За своеобразие текущего момента.

Сыщики выпили и закусили с большим аппетитом.

— Мой дед, царство ему небесное, из купеческой семьи был. Так он рассказывал, что до революции 1917 года из горячих закусок, любимая у него была такая: на подогретый сухарик черного хлеба с солью и черным перчиком накладывали теплый вареный мозг из трубчатой говяжьей кости. И подавалось это под ледяную водочку далеко не в последних трактирах и ресторанах, — Степанов промокнул губы салфеткой.

— Умели раньше и выпить, и закусить.

— Наверное.

— До 1917 года в стране хоть какой-то порядок был, — совершенно внезапно выпалил Сергей.

— Не знаю, Сережа, я это время не застал, — старший оперуполномоченный не хотел говорить о политике и решил поменять тему разговора. — Твою жену зовут Людмила, и работает она нотариусом. Да?

— Нотариусом и получает раз в пять больше меня.

— О деньгах тоже не будем... Давай лучше просто примем...

— За тех, кто теряет жизнь, зарабатывая на нее? — Сергею Смирнову очень нравился этот тост, который он впервые услышал от старшего коллеги.

— Люблю, когда меня цитируют, — Степанов кивнул. — Давай выпьем за них...

— То есть за нас? — уточнил Сергей.

— То есть за нас, — подтвердил автор тоста.

Сыщики чокнулись, приняли по стопке водочки и на несколько минут молча углубились в трапезу. Через открытое окно с улицы доносился звонкий детский смех.

— Главный уверен: это убийство дело рук именно серийного маньяка, — Степанов аккуратно наполнил рюмки. — Говорит: «спинным мозгом

чувствую»... Действительно похоже, что такой ублюдок не остановится. Слишком много в нем злости. Очень большая отрицательная энергия. Когда-то он должен ее снова сбросить. Такие типы после первой жертвы во вкус входят.

— Для них это становится, как наркотик.

— Точно, — кивнул старший оперуполномоченный.

— Сейчас основная наша зацепка — необычный удар в сердце.

— Да, только почему-то никто о таком ударе ничего не слышал.

— И еще, Дмитрий Владимирович, мне кажется, надо круг знакомых жертвы тщательно перепроверить. Никаких следов взлома. Женщина сама впустила кого-то из своих.

— Не факт, что преступник оказался в квартире, зайдя через дверь. Этаж-то второй, прямо под окном козырек навеса, окна без решеток были открыты, двор небольшой, тихий.

— Не днем же убийца через окно залез?

— Маловероятно, но полностью исключить такую возможность нельзя... Да и двери, Сергей, открывают иногда не только знакомым.

— Могла по ошибке и чужому открыть, — согласился молодой опер.

— Если так, то ошибка была на все сто процентов — без вариантов.

— Стопроцентная ошибка? Разве бывают пятидесяти или тридцатипроцентные?

— Ошибка в жизни, Сергей, штука не такая уж простая и однозначная. В философском аспекте эта категория, почти как в криминалистике, требует обязательно проанализировать связь между местом, временем и последствиями случившегося.

— Витиевато, Дмитрий Владимирович, — заметил молодой сыщик.

— Иногда именно явная ошибка здесь и сегодня позволит избежать гораздо более серьезную ошибку в другом месте завтра или послезавтра. Давай выпьем, и я объясню в доступной форме, — Степанов положил себе в тарелку салат из помидоров, кусочек буженины и поднял стопку. — За удачу...

— За удачу.

Не спеша и основательно закусив, старший оперуполномоченный продолжил:

— Итак, разъясняю для тугодумов. Допустим, собрался человек в круиз по Средиземному морю, но в день отплытия или перепутал время, или проспал, или забыл дома билет. В общем, красавец белоснежный лайнер ушел в увлекательное плавание без него. Естественно, человек огорчен, удручен, может быть, даже слег с гипертоническим кризом. А через пару дней слышит он сообщение о том, что тот самый красавец лайнер попал в

жестокий шторм, или столкнулся с танкером, или подорвался на mine времен второй мировой войны и затонул, а среди пассажиров имеются человеческие жертвы.

— Мрачноватый пример.

— Зато доступный. Кстати, Колумб стал богат и знаменит именно из-за своей ошибки. Он был уверен, что приплывет в Индию, а поплыл совсем в другую сторону и открыл Америку...

Звонок прервал старшего оперуполномоченного.

Прихватив букет цветов, сыщики прошли в прихожую и открыли дверь.

Супруга Сергея Людмила — молодая, симпатичная блондинка с зелеными глазами — приветливо улыбалась и с радостью приняла подаренные ей цветы.

— Люда, мы расположились на кухне, — сказал Сергей. — Ждем не дождемся, когда ты придешь.

Несколько улучшив сервировку стола, хозяйка присоединилась к мужчинам. Сергей достал из холодильника сухое вино.

— Дмитрий Владимирович, Сергей мне так много рассказывал про вас...

В словах женщины прозвучала легкая ирония, и Дмитрий Владимирович Степанов ответил, как бы с искренним удивлением:

— Странно. Мне всегда казалось, что я такой же, как все.

Взгляд хозяйки задержался на почти пустой бутылке «Смирновской»:

— У вас сегодня был трудный день.

— Люда, это вопрос? — спросил Сергей.

— Нет, это констатация факта.

— А как вы об этом догадались? — Степанов вновь изобразил удивление.

— У вас вид усталый, — ответила женщина.

— Какая наблюдательность. Как просто и логично. Людмила, в вас пропадает феноменальный оперативник... — Степанов налил даме вина. — Давайте выпьем за знакомство, за встречу. Когда-то очень-очень давно, когда мне было столько же, сколько вам сейчас...

В комнате зазвонил телефон.

— Извините... — хозяйка дома встала из-за стола и вышла в коридор.

— Если звонит кто-нибудь из ее подруг, то их беседа растянется, как минимум на полчаса, — Сергей развел руками.

— Не сказал бы, что твоя супруга в восторге от нашего застолья.

— Просто она еще не... — Сергей довольно долго подбирал слово и наконец нашел его. — Еще не *раскрепостилась* .

Степанов достал пачку сигарет, подошел к окну, закурил:

— В отпуск хочу... Нам бы это дело раскрутить.

— Если б у нас в свидетелях оказалась оставшаяся в живых женщина, на которую маньяк напал...

— И она бы обладала отличной зрительной памятью, чтоб мы могли составить его идеальный фоторобот, или еще лучше, он бы на месте преступления свой паспорт потерял, — Степанов грустно улыбнулся. — Увы, но на такую удачу нам лучше не рассчитывать.

* * *

В это время в женском спортивно-оздоровительном комплексе «Амазонка» проходило очередное занятие по самообороне женщин.

Орехов Павел Борисович — инструктор рукопашного боя, мастер спорта по борьбе самбо, обладатель второго дана по дзюдо и первого дана по каратэ — был высок ростом, крепок и вынослив, как лось. Раньше он носил очень короткую стрижку, но в последние годы, чтоб не слишком походить на бритоголовых братанов из преступных группировок, отрастил довольно длинные волосы.

Павел Борисович отдал команду: «Построились» и, не без тоски, посмотрел на «коробку» — три ряда по четыре женщины в каждом. Всего двенадцать учениц или, как их называл Орехов, курсанток.

Цикл самообороны для женщин был рассчитан на десять месяцев. С этой группой Орехов работал уже семь месяцев. Из двадцати дам, желающих научиться грамотно постоять за себя и пришедших на первую тренировку, постепенно перестали посещать занятия восемь. Из оставшихся двенадцати — десять ходили в зал совершенно напрасно, так как были очень уж толстые или наоборот — слишком субтильные, слабо координированные, вялые, да и просто не способные к физическим нагрузкам и быстрым движениям. Мысленно Орехов называл их *бесперспективными*. Еще пара курсанток, возможно, и не зря теряет время, хотя за десять месяцев даже из мужика настоящего бойца не сделать.

Впрочем, все курсантки, включая бесперспективное большинство, были очень хорошо материально обеспечены. Они исправно вносили весьма приличную сумму денег в спортивный комплекс, так что заработную плату Павел Борисович Орехов получал во время и не такую уж маленькую.

Пара минут релаксации — ученицы настроились на тренировку, и затем последовал бег по кругу.

Группа занималась классически, то есть босиком. По канонам восточных мастеров бег учеников почти бесшумен. Любой посторонний, в этот момент вошедший в зал с закрытыми глазами, должен был услышать не более чем «легкий шелест листьев на ветру». Однако шум от движения двенадцати женщин не намного уступал грохоту небольшого лошадиного табуна. И это тоже огорчало Орехова.

Двадцать кругов и снова курсантки построились в коробку, восстановили дыхание, минут пятнадцать разогревались, проводили растяжку связок и качали пресс.

— Разбились парами! — Павел Борисович поправил черный пояс на своей куртке. — Повторим амплитудные блоки. Начнем с защиты от удара в голову. Верхний блок! Начали! Удар — блок... удар — блок... Жестче! Работать жестче! Не жалеть себя!.. Курсантка Синицына! За то время, пока вы ставите блок, пытаясь защититься от одного удара, вам можно нанести таких ударов пять и столько же раз вас убить!.. Плохо, очень плохо... От бедра импульс и на удар, и на блок... Берите пример с курсантки Рыбаковой...

Как и положено лучшему ученику, в первом ряду, первой слева стояла двадцатилетняя студентка Университета Татьяна Рыбакова. Миловидная девушка действительно полностью выкладывалась на тренировках. Раньше спортом Татьяна не занималась, а в школе систематически пропускала уроки физкультуры. Ее папа, преуспевающий бизнесмен, без колебаний согласился оплачивать вдруг возникшее хобби любимой дочери и даже обеспечил ребенка машиной с шофером, который привозил и отвозил Татьяну на тренировки. А желание освоить систему самообороны с элементами восточных единоборств возникло у девушки не случайно. Ее перестал устраивать статус дочки такого суперобеспеченного папаша. В жизни она попробует добиваться всего сама, и она обязательно всего добьется. Секрет успеха Татьяна Рыбакова знала точно — главное — никаких поблажек себе...

— Закончили! — прозвучала команда тренера. — Тема нашего сегодняшнего занятия — техника нанесения двойных ударов...

После двухчасовой тренировки женщины прошли в раздевалку, приняли душ, кто-то отправился в бассейн и сауну.

Татьяна Рыбакова спустилась на первый этаж, где в баре выпила бокал апельсинового сока и

вышла на улицу. На это занятие она добиралась городским транспортом. Папа вместе с мамой вторую неделю находился на курорте в Австрии. Автомобиль, закрепленный за Татьяной, сломался буквально за полчаса до тренировки, и девушка сказала позвонившему ей и не на шутку перепуганному шоферу, что вполне сможет обойтись и без машины.

В начале десятого Татьяна Рыбакова села в трамвай, купила билет и, как когда-то в детстве по дороге в школу, сосчитала сумму цифр в номере билета и разделила ее на семь. Полученный остаток «шесть» обещал встречу.

«Значит у подъезда на черном джипе меня опять будет поджидать Морозов...» — подумала Татьяна.

Студент Юридической Академии, конечно же, будущий адвокат Леонид Морозов был влюблен в Татьяну Рыбакову. Встретились они случайно на какой-то молодежной тусовке. Татьяне молодой человек сразу не понравился: типичный самодовольный и упрямый барчук, от папы — квартира, иномарка и будущая высокооплачиваемая работа. Татьяна его как бы не замечала, но Леонид Морозов был самоуверен и, по-видимому, решил действовать измором. Он узнал домашний адрес Рыбаковой и один-два раза в неделю просто сидел в своем джипе около подъезда. Когда Татьяна

проходила мимо, Морозов включал магнитола, и из салона начинала звучать всегда одна и та же песня, записанная с какой-то очень старой пластинки: «Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечтаю...»

«Да... упрямства ему не занимать...» — Татьяна сложила пополам трамвайный билет, обещавший встречу.

Она вышла на своей остановке на углу улиц Куйбышева и Белинского и пересекла перекресток по диагонали. Прошла через небольшой парк, расположенный рядом с Университетом, и свернула в арку старого полнометражного дома. Сразу же девушка услышала сзади быстро приближающиеся шаги. Татьяна обернулась. Ее догонял мужчина лет тридцати, высокий поджарый брюнет в черных джинсах и ветровке вишневого цвета. Его лицо было *почти* красивым, если бы не тройка деталей — тонковатые губы, чуть опущенные углы рта и холодный взгляд голубых глаз. Татьяна остановилась. Мужчина сделал ещё один шаг к девушке, и теперь их разделяло чуть больше метра. Правую руку незнакомец вытащил из кармана куртки. Прозвучал тихий щелчок, и тускло сверкнуло лезвие ножа.

— Стоять, сука... — не громко, но категорично произнес мужчина.